

УДК 81 (571.53/55)

А.В. Винобер
Иркутск, Россия

БУРЯТСКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ НЕЗАВИСИМОГО ЭКСПЕРТА)

Автор позиционирует себя независимым экспертом (от которого ничего не зависит) Его мнение – это взгляд постороннего, но не равнодушного к развитию бурятского языка. В статье предпринята попытка оценить современное состояние бурятского языка и его перспективы на ближайшие десятилетия, опираясь на исследования и выводы ведущих ученых Республики Бурятия. Автор рассматривает статистику пользования и владения бурятским языком по данным переписи населения и различных социологических одноразовых и мониторинговых опросов и исследований; билингвизм; развитие диалектов и говоров; состояние бурятского литературного языка; издание книг на бурятском языке. В заключении автор выносит предложения по дальнейшему развитию бурятского литературного языка.

Ключевые слова: бурятский язык, хоринский диалект, языковая ситуация, литературный бурятский язык, Иркутская область, двуязычие

«При расширении литературного языка его новой базой может быть койнэ. Для койнэ важна не столько общеупотребительность, сколько общедоступность и понятность языковых элементов.

... Таким образом, это будет рациональная основа, охватывающая все говоры и диалекты данного языка.

... В лексическом составе бурятского литературного языка имеются узкодиалектные элементы, не характерные для койнэ».

Т.А. Бертагаев

Отправной точкой своих субъективных рассуждений (в качестве эпиграфа) я выбрал фрагменты из классической статьи выдающегося советского бурятского лингвиста-монголоведа Трофима Алексеевича Бертагаева. Эта статья, под названием «О койнэ и путях развития национальных языков», вышла в печати в сборнике «Развитие литературных

языков народов Сибири в советскую эпоху» в 1965 году [5]. И, на мой взгляд, совершенно не потеряла актуальности в наше время.

Также, в значительной степени я буду отталкиваться от классической монографии Т.А. Бертагаева «К исследованию лексики монгольских языков (опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров)» [4], опубликованной в 1961 году, но содержащей полевые материалы более ранних исследований.

Небольшое отвлечение, предназначенное для тех читателей, которые не являются лингвистами: «Койнэ – общий язык – функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков... В роли койнэ может выступать наддиалектная форма определенного языка, развивающаяся на базе одного или нескольких диалектов. ... Койнэ развивается, как правило, по линии сохранения и обогащения языка или диалекта, становящегося койнэ» [8].

Второй отправной точкой, послужившей мотивацией для написания и публикации данного текста послужила статья С.Д. Бабуева, известного бурятского филолога и краеведа «О дальнейших перспективах развития бурятского языка», появившаяся в сборнике «История развития бурятского языка», вышедшем в 2006 году [2], но прочитанной мной в апреле нынешнего 2026 года.

Статья Бабуева, яркая и эмоциональная, скорее, историко-просветительного и идеологического содержания, чем научно-лингвистического, какими были все другие статьи авторов данного сборника. Больше всего в вышеназванной статье меня заинтересовали два фрагмента: первый – историко-объяснительного характера, второй – идейно-методологического. В первом случае Бабуев сообщает, что в начале 1960-х гг. в СССР было провозглашено о построении коммунизма в ближайшие 20 лет (с единым языком), а в начале 1970-х гг. в административном порядке

преподавание в школах было полностью переведено на русский язык, в результате чего – выросло два поколения бурят, не владеющих родным языком, а также за 20 лет запрета бурятского языка не выросли признанные молодые писатели и поэты.

Во втором случае, С.Д. Бабуев в большом списке мер, необходимых для развития бурятского языка, кроме всего прочего, в п.14 и п. 15 предлагает следующие меры, можно сказать, по-преимуществу, организационно-лингвистического или идейно-методологического характера:

п. 14. Бурятский литературный язык должен дальше развиваться на базе хоринского диалекта.

п. 15. В обогащении бурятского литературного языка могут использоваться в допустимых объемах диалектные слова и выражения (видимо, слова и выражения из других диалектов и говоров бурятского языка – А.В.) [2].

Вот по поводу этих двух вышеперечисленных фрагментов я и решил высказать свое субъективное мнение, как независимый эксперт (от которого ничего не зависит, хотя, абсолютно независимых, скорее всего, никогда не бывает). Можно сказать, мое мнение – это взгляд постороннего, но не равнодушного к развитию бурятского языка.

Естественно, что погрузившись в заявленную тему рассуждений, я ознакомился с мнениями других авторов: лингвистов, филологов, социологов и педагогов, имеющих самое непосредственное отношение к анализу состояния, тенденций и перспектив развития бурятского языка в XXI веке, чьи мнения и аргументы намерен использовать в данном эссе, поскольку здесь больше рассуждений и вопросов, чем строгих объективных и однозначных утверждений.

По поводу первого высказывания С.Д. Бабуева, т.е. историко-объяснительного характера. С ним можно согласиться, но далеко не на 100 процентов. Разумеется, что имело место событие, когда было объявлено о построении коммунизма в ближайшие 20 лет, и была тенденция к

культивированию единого всеобщего языка, который при коммунизме будет объединять все народы СССР (и не только СССР). Более того, предполагалось, что построение коммунизма будет стимулировать создание общечеловеческого языка для всего мира. Эта тенденция очень развернуто представлена в монографии Э.П. Сवादоста «Как возникнет всеобщий язык?» [22], появившейся в 1968 году.

Что происходило в 70-е годы XX века в автономной советской Республике Бурятия с бурятским языком – мне судить сложно. В том смысле, что я не обладаю информацией о запрете преподавания бурятского языка и о том, были ли на этот счет законодательные акты или указания партийных органов, а может быть инструкции по линии образовательной системы? Это необходимо исследовать, анализировать и аргументировать. Поэтому, в принципе, принимаю точку зрения Бабуева, но выражаю сомнение в том, что бурятский литературный язык был в эти годы под каким-то запретом. И поэтов, и писателей, пишущих на бурятском языке в 60-70-80 гг. XX века, вероятно, было существенно больше, чем в настоящее время. Также мне видится, что изменения в бурятском языке начались вовсе не в 1960-е годы, а гораздо ранее. Например, немало авторов второй половины XIX века отмечали, что буряты, живущие в Кудинской долине (эхириты и булагаты) владеют хорошо помимо родного бурятского языка еще и русским языком, т.е. являются билингвами. При этом родной бурятский язык не выходил у них из повседневного употребления и не испытывал какой-либо существенной деградации.

В качестве небольшого примера: в 1862 году в Иркутске был создан комитет по переводу учебных книг на бурятский язык, который рекомендовал издание книг на основе русского алфавита для бурят, живущих в западных районах (вблизи Иркутска) и книг на старомонгольской письменности для бурят, проживающих за Байкалом [18].

По существу, Бабуев в своем утверждении игнорирует взаимодействие бурятского и русского языка и бурятского и русского народа за период 1860-

1960 гг., то есть за целое столетие. Либо он признает, что до 1960-х гг. не происходило никаких негативных, либо позитивных изменений? Впрочем, это уже отдельное историческое и лингвистическое диахроническое исследование, которое осуществлялось и осуществляется другими авторами. В первую очередь, я бы порекомендовал всем интересующимся историческим развитием бурятского языка замечательную монографию Ц.Б. Будаева «Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования)», где автор выделяет три основных периода развития говоров бурятского языка: ранний (общемонгольский), новый (период после присоединения Бурятии к России) и новейший (советский). В рамках каждого периода автором исследуются фонетические, грамматические и лексические особенности бурятских диалектов [6].

Также у меня вызывает некоторое сомнение утверждение Бабуева о том, что в результате двадцатилетнего запрета бурятского языка выросло два поколения бурят, не владеющих родным языком.

Я считаю, что 1926-2026 (то есть целое столетие) – это годы бурного развития бурятского языка, бурятской лингвистики и филологии, активных исследований эпического творчества бурятского народа. И если обратить внимание на годы 1970-80 гг. (когда, по мнению Бабуева, бурятский язык был под запретом) – сколько вышло монографических исследований, словарей и учебников, то картина видится не такая уж трагическая и однозначная.

Что же касается второго фрагмента – о п.14 и п. 15 по развитию бурятского языка в статье Бабуева [2] – у меня просто возникли вопросы: а) почему бурятский литературный язык должен в дальнейшем развиваться только на базе хоринского диалекта? б) кто будет определять допустимые объемы слов и выражений из других диалектов и говоров бурятского языка, которые могут использоваться в бурятском литературном языке?

Кстати, эти или очень похожие вопросы возникали много ранее в 30-60е годы XX века у Т.А. Бертагаева [4, 5] и других исследователей диалектов

и говоров бурятского языка. Так, еще в начале XX века Жамцарано отмечал, что хори-буряты, приняв буддизм, начали «пренебрегать народным эпосом», улигеры у хори бурят держатся в тех уголках, где население симпатизирует шаманам, а позднее, как отмечал А.И. Уланов – ламы вели борьбу с народным творчеством [цит. по 7]. Но где, как не в народном эпосе истоки литературного бурятского языка и все богатство его диалектов и говоров?

Возвращаясь к истокам заявленной темы: давайте попробуем оценить современное состояние бурятского языка и его перспективы на ближайшие десятилетия, опираясь на исследования и выводы ведущих ученых Республики Бурятия.

Начнем рассуждать с имеющейся в нашем распоряжении статистики пользования и владения бурятским языком по данным переписи населения и различных социологических одноразовых и мониторинговых опросов и исследований.

1. Статистика и оценки экспертов.

1.1. Мнение социологов и психолингвистов: «В 2002 году по решению ЮНЕСКО бурятский язык занесен в Красную Книгу исчезающих языков планеты, хотя в 1992 году законом «О языках народов Республики Бурятия» бурятскому языку, наряду с русским придан статус государственного.

Эксперты настаивают на диаметрально противоположных прогнозах его будущего. Одни считают, что тенденция утраты языка, который потерял 10 тысяч носителей, будет прогрессировать и к 2035 году он полностью исчезнет (Кальмина, 2012)» [23].

1.2. В серии социологических обследований, проводимых с 1989 по 2009 гг. получены следующие результаты: «Выявлено, что состояние с бурятским языком в среднем ухудшается на 3% за десятилетие. ... По всем формам увеличилась доля бурят очень хорошо владеющих родным языком. ... Если для отдаленных районов Республики Бурятия, а также для районов Читинской области и шэнэхэнского района Внутренней Монголии Китая

можно констатировать его активное функционирование при стабилизации процесса потери бурятского языка, то, например, для Иркутской области характерно то, что процесс языкового сдвига здесь можно считать необратимым» [13].

1.3. Есть более поздняя трактовка статистической динамики состояния и развития бурятского языка: «Тенденции к резкому снижению между 2002 г. и 2010 г. и по 2021 г. вдруг заметно поднялись – до 290 348 чел, хоть и не достигли уровня 2002 (353 113 чел), т.е. между 2010 г. и 2021 г. владение бурятским языком резко улучшилось – добавилось 83 948 чел, которые вдруг овладели бурятским языком (это увеличение, скорее всего, низкое качество переписи). ... Увеличилось число людей, которые думают или хотят думать, что они владеют хоть в какой-то степени бурятским языком. ... Показатели владения языком несколько упали, но в длительной динамике остались на уровне 1/3 и 1/4 всего населения Республики Бурятия» [24].

1.4. Мое субъективное суждение по поводу вышеозвученных оценок и утверждений выглядит следующим образом.

1.4.1. По поводу внесения бурятского языка в Красную Книгу исчезающих языков – непонятно, кто и с какой целью организовал и осуществил эту акцию? Если есть в Байкальском регионе языки, которым действительно грозит вымирание – это эвенкийский и тофаларский. По поводу языка сойотов – я не владею никакой информацией – есть ли он вообще, или уже ассимилирован и замещен бурятским? Но эвенкийский и тофаларский языки действительно ежегодно уменьшают жизненную силу и активно ассимилируются русским и бурятским языками. Бурятский язык, как и языки соседних регионов – тувинский и якутский, успешно продолжает свое развитие, раскрывая новые возможности, как в литературном, так и в научном плане. Но это относится только к ядру языка, находящемуся в столице Бурятии и к периферийным районам Бурятии, где доминирует бурятское население.

В целом, по всему этническому ареалу бурятского языка существует весьма неоднозначная и мозаичная картина. Действительно, в Иркутской области состояние отдельных говоров и западного (эхирит-булагатского) диалекта, существенно слабее, чем в Республике Бурятия. Действительно, отдельные говоры, как например, нижнеудинский, находятся в стадии активной деградации, и им действительно может грозить вымирание в ближайшие 20-30 лет. Но, например, состояние бурятского языка в Осинском районе Усть-Ордынского округа (по моему субъективному мнению) существенно лучше, чем в Эхирит-Булагатском районе. Но в целом, в Иркутской области нет достоверных данных по всему ареалу бурятского языка, потому как нет таких центров и научных организаций, которые бы систематически занимались изучением динамики языка по районам области. Тем не менее, я не разделяю мнение авторитетного ученого Г.А. Дырхеевой о том, что процесс языкового сдвига в Иркутской области можно считать необратимым.

1.4.2. Утверждение (Кальмина, 2012), цитируемое А.А. Степановой о том, что бурятский язык к 2035 году полностью исчезнет, больше похоже на какую-то псевдо-научную провокацию (например, с целью поднять «шумиху» и получить грант), чем на серьезное научно-обоснованное утверждение. Даже по самым негативным оценкам для бурятского языка (за исключением отдельных говоров и отдельных локальных районов, где доминирует билингвизм с преобладанием русского языка) в ближайшие 20-30 лет не существует никаких тотальных угроз и опасностей. Но это вовсе не означает, что все благополучно и нет негативных тенденций, особенно в отношении бурятского литературного языка.

1.4.3. По поводу всевозможной статистики: если вспомнить давний афоризм о том, что «есть ложь, наглая ложь и статистика», то можно свести все статистические (имеющиеся) результаты к тому, что мы имеем в лице статистики всего лишь «среднюю температуру по больнице».

К примеру, я взял статистический анализ из монографии Ц.Б. Будаева «Бурятские диалекты» [6], основанный на сравнении результатов переписи населения 1979 и 1989 годов, и экстраполировал отмеченные тенденции (за десятилетие) на период с 1989 по 2026 гг. – у меня получилось, что бурятский язык за 36 лет потерял более 51 тыс. носителей. Но если вы обратили внимание на цифру, цитируемую в п.1.3, там приводится совсем иная тенденция – с 2010 по 2021 гг. произошел прирост 83 948 носителей бурятского языка. Такие вот существенные статистические «ножницы»: от минус 51 тыс. до плюс 84 тыс. Поэтому, вполне соглашусь с более умеренной оценкой, которую приводит в 2015 году Дырхеева [13] – ухудшение на 3% в среднем за десятилетие. Но что означают эти 3% - для меня полная загадка. Похоже на ту же самую «среднюю температуру по больнице». Потому что названные 3% - своеобразная интегральная экспертная оценка, которая состоит из целого ряда составляющих компонентов, требующих в каждом случае углубленного анализа или исследования. Например, в п. 1.2 говорится, что «по всем формам увеличилась доля бурят очень хорошо владеющих родным языком» - я сомневаюсь в этом утверждении, хотя, вполне возможно, что такое может иметь место в отдельных учебных заведениях или в отдельных научных организациях.

2. О билингвизме.

Большую озабоченность исследователей бурятского языка вызывает проблема билингвизма среди бурятского населения.

2.1. «Длительное тесное контактирование бурятского и русского языков, интенсивное усвоение бурятами русского языка, как основного средства межнационального общения, способствовало распространению массового одностороннего бурятско-русского двуязычия. ... Повседневная устная речь современных бурят-билингвов представляет собой «смесь» русского и бурятского языков. ... Такой тип речи характерен в основном для городских билингвов, а также для лиц, слабо владеющих литературной формой бурятского языка (в том числе в непосредственной ситуации

общения между носителями разных диалектов, в разговоре молодежи, людей среднего и старшего возраста)» [20].

2.2. «... Продолжается падение уровня владения родным языком бурятами и степень его использования в различных сферах общения. Уменьшается количество бурят, считающих бурятский язык родным. Российские буряты, где бы они не проживали, лучше владеют русским языком, чем родным. ... Функциональный статус бурятского языка все более понижается, сокращается количество сфер его активного применения. ... Реальная языковая ситуация в Республике Бурятия остается очень неблагоприятной для настоящего и будущего бурятского языка» [16].

2.3. Р.Д.С. Норбоева в своей статье отмечает особенности контакта бурятского и русского языка, в котором доминирует русский язык, что приводит к структурным изменениям на всех уровнях – от лексики до синтаксиса. Современную ситуацию оценивает как двоякую: «Усиливается интерференция и риск вытеснения, но одновременно наблюдаются процессы возрождения и институциональной поддержки. Перспективы сохранения языков связаны с развитием образовательных практик, цифровизацией и повышением их престижа среди носителей» [21].

2.4. Исходя из вышепротитированных фрагментов, можно прийти к выводу, что билингвизм – явление по-преимуществу негативное для развития бурятского языка.

Но это мнение филологов и лингвистов, для которых главный критерий – это чистота родной речи и развитие литературного языка с позиций доминирующего этнолингвизма. Ниже по тексту я привожу иную точку зрения известного российского лингвиста из Санкт-Петербурга Михаила Александровича Марусенко: «... Любое обсуждение проблем билингвизма и мультилингвизма должно вестись с учетом широкого социально-политического контекста, в котором они используются. В последние годы накоплено много данных о когнитивных, образовательных и социальных преимуществах билингвизма, однако общественное мнение и языковые

политики продолжают преподносить моноязычие как норму и ограничивать космополитизм знанием только международных языков... Люди должны не ограничивать, а наоборот расширять набор своих языков, обеспечивая возможность коммуникации на всех уровнях – местном, национальном и глобальном». В качестве примера Марусенко приводит индийский мультилингвизм: «При переписи населения в 1991 году респонденты назвали более 10000 родных языков: после унификации и стандартизации названий остались 3372 языка, из которых 1576 языков были идентифицированы, а оставшиеся 1796 языков были отнесены к группе «прочие родные языки»... Большая численность носителей и языковых сообществ, использующих разные языки в разных сферах их повседневной жизни, многоязычие, носящее массовый характер, тенденция к сохранению языков, находящихся в контакте, - все это отличительные черты индийского мультилингвизма, который стал возможен благодаря проницаемости границ между языками, бесконфликтному распределению функций между языками в разных сферах использования, множественности языковых идентичностей и ранней мультиязычной социализации» [19].

3. О развитии диалектов и говоров бурятского языка.

3.1. Оценивая языковую ситуацию в Республике Бурятия, Г.А. Дырхеева отмечает: «... Нет единого мнения относительно бурятских диалектов: Бертагаев (1968) выделяет 4 диалекта: западный, восточный, южный и нижнеудинский, а также 11 говоров, которые распадаются на подговоры. А.А. Дарбеев (1997) выделяет три диалекта: западный, восточный и южный, 14 говоров и 7 подговоров. И.Д. Бураев и Л.Д. Шагдаров (1995) делят бурятский язык на 4 диалектных группы: хоринскую, цонголо-сартульскую, эхирит-булагатскую и аларо-тункинскую» [14].

3.2. В результате оценки языковых установок и языковой лояльности носителей малых языков Г.А. Дырхеева и Ч.С. Цыбенова приходят к выводу: «Значительные междиалектные расхождения, дисперсность проживания бурят, активное общение в ходе совместной деятельности с русским

населением, привели к ослаблению культурно-языковой устойчивости бурят, утрате некоторых элементов этнической самобытности и постепенной потере родного языка» [15].

3.3. Не вдаваясь в поиски различий диалектов и говоров, могу сказать, что это вечный спор в среде лингвистов: что считать говором, а что – диалектом (очень размытые границы и критерии); один и тот же говор кто-то из лингвистов именуется диалектом, а кто-то считает, что это не говор, не диалект, а самостоятельный язык.

Это явление имеет место и среди филологов и лингвистов, изучающих бурятский язык. Но это же явление широко распространено в мировой практике исследования языков. Если учитывать, что «говор – функционирующая языковая система, которая может отличаться от системы других говоров своеобразием фонетических, грамматических, словообразовательных и лексических черт» [17], то мы имеем вполне научные основания считать говор самостоятельным живым языком, имеющим различную степень генетической близости с близкородственным диалектом или языком (как более крупной объединяющей языковой системой совокупности родственных диалектов и говоров).

Если отталкиваться от такого понимания, смысла, значения и сущности говора (вспомните пример индийского мультилингвизма и результаты его переписи в 1991 году – см. п. 2.4), то мы имеем в бурятском языке (см. п. 3.1) 15 - 25 отдельных живых языков (языковых систем), которые именуются различными исследователями то диалектами, то говорами или подговорами (не считая еще единого языка, который сформировался в XX веке – это бурятский литературный язык).

Можно, конечно, возмущаться таким подходом и такой классификацией, но трудно спорить с тем, что нижнеудинский диалект или говор для нижнеудинских бурят – это их родной язык, и в нем есть слова, фонемы и лексические формы, которые являются для них родными – и не для кого больше!

Отталкиваясь от работ Т.А. Бертагаева [4, 5], Ц.Б. Будаева и многих других авторов, исследующих бурятский язык, можно сказать, что глубина изученности диалектов и говоров бурятского языка сильно различается (особенно, говоров и подговоров). Что обусловлено историческими, этническими, психологическими и политическими факторами (собственно, это отдельная социолингвистическая тема или даже целое направление – А.В.)

4. О состоянии бурятского литературного языка.

4.1. Как отмечает Г.Х.Ц. Гунжитова: «Нынешний период в истории бурятского языка характеризуется спорами относительно того, насколько обоснованным является то, что именно хоринский диалект составил основу современного бурятского литературного языка. Говоря языком социолингвистики, на сегодняшний день в Республике Бурятия имеет место внутриэтнический языковой конфликт, который вызван противостоянием мнений относительно литературного бурятского языка и выбора его диалектической основы» [9].

4.2. Полностью разделяю оценку, приводимую Гунжитовой, с небольшим дополнением – ситуация внутри этнического языкового конфликта по поводу развития бурятского литературного языка уже существует с 20-30-х годов XX века (то есть, около ста лет!) и находится в режиме постоянной пульсации: то затухает, то снова вспыхивает, но в итоге – не приходит к кардинальным коэволюционным (взаимовыгодным) решениям и позитивным последствиям.

4.3. Точка зрения Г.А. Дырхеевой выглядит следующим образом (если можно судить по одному фрагменту): «В результате многолетних и жарких дискуссий, в 1936 году было принято решение – ориентироваться на восточно-бурятское И - акающее наречие. Несмотря на большое число вопросов и проблем бурятского языкознания, уровень нормирования литературного бурятского языка относительно высок. ... Для бурятской литературы (в результате культурной интерференции, компьютеризации и

интернет) всё вылилось в жесточайший кризис, наблюдаемый в настоящее время» [14].

4.4. Вернемся снова к Т.А. Бертагаеву, который еще в 60-е годы XX века отмечал негативные последствия «однобокого нормирования» (термин принадлежит автору данной статьи) и предлагал находить выход в формировании бурятского койнэ: «В дальнейшем, когда литературный язык входит в свою норму, становится функционально обогащенным и разветвленным, обретает самостоятельность и определенные качества общенародного языка, говор или диалект утрачивает свою ведущую роль и становится узким, как основа литературного языка, малопитательным, как источник обогащения его... диалектическая узость некоторых грамматических и лексических явлений, перенятых литературным языком из ведущего говора или диалекта, мешает становлению в нем атрибута общенародности и доступности его всему населению, говорящему на данном языке. ... Для того, чтобы можно было развитие литературного языка основывать на койнэ необходимо заняться глубоким изучением современного языка с точки зрения его улучшения и ускоренного его развития» [5].

4.5. Вероятно, что со мной не согласятся многие ведущие филологи и лингвисты, изучающие много лет бурятский язык, но по моему субъективному мнению в п. 4.4. Т.А. Бертагаев выразил главную причину современного кризиса бурятского литературного языка – уже на протяжении около 90 лет бурятский литературный язык развивается преимущественно на хори диалекте, и можно сказать, что он «заиклился» на этом диалекте, всё дальше отрываясь от других говоров и диалектов бурятского языка, которые оказались в роли «пасынков и дальних родственников». То есть, призыв Бертагаева о необходимости глубинного изучения современного языка и разработки общебурятского койнэ не был услышан ни в 1960-е годы, и возможно, что он сознательно игнорируется и по настоящее время.

5. Об издании книг на бурятском языке.

5.1. Обратимся еще раз к богатой смыслами статье Г.А. Дырхеевой «Языковая ситуация в Республике Бурятия» и процитируем еще один важный и содержательный фрагмент: «За последние 10 лет на бурятском языке издано 148 книг, большинство тиражом от 100 до 500 экземпляров. Практически язык оказался вытесненным из важнейшей вербальной сферы бурятской культуры... Главное – сокращение числа писателей, пишущих на бурятском языке. Сложная языковая и личностная трансформация, которая длится уже не одно десятилетие. ... Только 11% опрошенных читают художественные произведения на бурятском языке. Только у 10% семей имеются небольшие библиотеки с книгами на бурятском языке. Скорее можно говорить об отсутствии книжного рынка на бурятском языке, чем о его наличии» [14].

5.2. Вполне разделяю вышеозвученную оценку Г.А. Дырхеевой. От себя дополню наблюдениями из Иркутской области. По моим многолетним наблюдениям, в районах Усть-Ордынского Бурятского округа процент владения бурятским литературным языком (полноценное владение и постоянное использование) составляет среди бурятского населения не более 1,5% (в самом лучшем случае – до 3%). В основном литературным языком владеют специалисты с высшим и средним специальным образованием, обучавшиеся в Улан-Удэ. Это, разумеется, печальный факт (его можно оспорить), но, тем не менее, он отражает реальную ситуацию.

5.3. Мне, конечно же, не во всем понятны глубинные причины литературного и книгоиздательского кризиса, резко снижающие появление новых книг, новых авторов и, одновременно, сокращающие число читателей и интерес к литературе на бурятском языке. Но, некоторые гипотезы на этот счет я попытаюсь высказать.

5.3.1. Во-первых, у меня возникает вопрос, почему не издается (или мало издается) литература на двух языках, т.е. на бурятском и русском в одном издании под одной обложкой. Учитывая распространенность

билингвизма, это необходимо делать, потому что, читая текст на одном языке читатель обязательно (в большинстве случаев) будет его сравнивать с параллельным текстом на другом языке. Этот принцип, кстати, положен в обучение языку начинающих самообучаться новому языку – так называемые тексты «по методу Ильи Франка». Например, в 2019 году «Новопринт» в Улан-Удэ издал поэму (эпос) «Шоно-Батор» [25] на бурятском и русском языках в одной книге – это сразу увеличивает потенциальное число читателей, и книга может служить прекрасным учебным пособием для изучения литературного бурятского языка, а для кого-то – и русского языка, и, безусловно, повышать качество билингвизма. Я уже не говорю о самом себе разумеющемся – о прекрасном эпическом произведении и прекрасном поэтическом переводе поэмы на русский язык Алексеем Гатаповым [25]. И для сравнения: в 2025 году «Бэлиг» (г. Улан-Удэ) выпустило замечательную книжку бурятских сказок (2-е издание) «Эхирэд бурядай онтохонууд» [11] на бурятском языке (может быть кто-то и издал перевод на русский язык, но он мне пока не попадался). Но если бы эта замечательная книжка вышла на двух языках – число её читателей (потенциальных) выросло бы на два порядка. И имело бы еще больший филолого-педагогический эффект (для обучения и самообучения бурятскому языку).

5.3.2. Если продвинуться дальше по этой схеме (изданий на двух языках) – можно было бы переиздать многие классические переводы с русского на бурятский язык, осуществленные в 60-80е годы XX века (и ранее), а также перевести на русский язык бурятских поэтов и писателей того же XX века (избегая идеологические и оставляя высокохудожественные) На мой субъективный взгляд, такие чисто маркетинговые (для книгоиздателей) ходы, могли бы вызвать серьезный интерес, и оживление книжного рынка литературы на бурятском языке.

5.3.3. Разумеется, нельзя не учитывать того фактора, что в XXI веке (последние 25 лет) произошло резкое падение интереса к «живой» настоящей книге, и народ повсеместно перестал читать, потребляя информацию через

телевидение, интернет и погрузившись в собственные смартфоны. И, разумеется, через эти каналы СМИ он получает информацию в основном на русском языке. Поэтому и будут доминировать билингвы.

Как отмечает Гунжитова в статье «Факторы витальности бурятского языка»: «За последние 10 лет создано большое количество интернет-продуктов (приложений для смартфонов, планшетов, сайтов). Созданы различные электронные пособия, игры, звучащие алфавиты, 3D словари и т.д. Вместе с тем, имеющихся ресурсов недостаточно для полного удовлетворения языковых потребностей различных категорий носителей бурятского языка» [9].

Вот именно – они не доступны для большого числа населения, и в первую очередь, из-за невладения литературным бурятским языком. А двуязычные книги резко увеличивают число читающих тексты на бурятском языке.

6. Заключительные замечания.

6.1. Вполне соглашаясь с Д.Д. Бадараевым и И.Г. Актамовым, отмечающими, что «для большинства бурятских студентов, считающих, что они более или менее знают родной язык, скорее характерен бытовой уровень общения с ограниченным словарным запасом и фактическим отсутствием навыков чтения и письма». И это вполне коррелирует со вторым выводом авторов о том, что существует «высокий уровень этноязыкового самосознания современных студентов, их готовность овладеть бурятским языком» [3]. С точки зрения и социальной и этнической психологии это вполне объяснимо – студентам хочется выглядеть прилично в собственном самосознании, поэтому они часто отвечают на такие вопросы декларативно, завышая оценку действительного знания языка, и демонстрируя готовность им овладеть или усовершенствовать знания родного бурятского языка. Можно высказать здесь правдоподобную гипотезу, что большинство из них после таких утвердительных ответов не предпримет реальных шагов по действительному изучению и совершенствованию своих навыков в изучении

и активном применении бурятского языка, если для этого не будет серьезных стимулов и факторов, способствующих к более глубокому изучению языка.

6.2. Есть более радикальные точки зрения и результаты по оценке уровня владения бурятским языком. Например, Э.Д. Дагбаев заявляет, что «94% опрошенных заявило, что они знают родной язык лучше какого-либо прочего», а «развитию бурятской идентичности до сих пор мешает «синдром 1937 года», когда в ходе политических репрессий, буряты подверглись в том числе и «этнической чистке». Афишировать принадлежность к данному этносу не было принято» [10].

По первой части высказывания Дагбаева возникает сразу же вопрос о валидности его социологического опроса – какова была выборка опрошенных, где и в каком уникальном поселении проводился опрос? Также и о каких «прочих» языках подразумевает автор?

По второй части высказывания возникает вопрос – где и в каких местах проживают буряты, которые боятся афишировать свою принадлежность к бурятскому этносу? Мое субъективное мнение, что оба высказывания автора больше похожи на этнополитическую риторику времен распада Советского Союза. По крайней мере, за более чем сорок лет своих исследований и наблюдений в районах Иркутской области мне не приходилось сталкиваться с такими явлениями. Но это, опять же, мое субъективное мнение и видение, которое не претендует на исчерпывающее знание выше озвученной тематики.

6.3. Вся существующая статистика из переписи населения, социологических опросов и исследований нуждается в глубоком критическом анализе, на основе которого может быть разработана эффективная система мониторинга текущего и перспективного состояния и развития бурятского языка. Причем, в создаваемой системе мониторинга должно быть четкое разделение на исследование разговорного бурятского языка и литературного бурятского языка, поскольку существует принципиальное различие в содержании и функционировании этих форм-

разновидностей владения языком, о чем, кстати, отмечают в своей работе Э.В. Хилханова и Г.А. Дырхеева: «Анализ показал сложность самого понятия владения языком и его измерения» [24].

6.4. В работах филологов и лингвистов нередко даются попытки диагностировать состояние этнической идентичности и этнического самосознания через призму владения родным бурятским языком. В таких случаях нередко рождаются стереотипные и мифологические версии, которые далеки от подлинно научного обоснования и исследования. К примеру, в очень интересной и полезной статье С.С. Намдаковой «Разговорный бурятский язык в условиях контактирования с русским языком» есть такой любопытный и неоднозначный вывод, основанный на изучении владения родным языком: «Немаловажным фактором выступает и речевой стереотип билингвов, так называемая привычка использовать в своей речи русские слова и выражения, вместо соответствующих бурятских единиц. Причем, такие слова используются двуязычными билингвами совершенно спонтанно, неосознанно, что, возможно, говорит об изменении языкового сознания и мышления бурят» [20].

С точки зрения лингвиста – вывод верный и обоснованный, но с точки зрения герменевтического психоанализа здесь допущено смешение языкового сознания и мышления. Суть в том, что сознание и мышление – это взаимодействующие, но далеко не совпадающие феномены человеческой психики. Потому как в психике человека во многом доминируют бессознательные и подсознательные интуитивные процессы и алгоритмы, которые могут в малой степени зависеть от языковых элементов и в целом от языковой подсистемы психики. Грубо говоря, знание языка и его функционирование, не означает, что мы знаем психику и её функционирование, поэтому термин «языковое сознание» и «языковое мышление» в данном случае скорее выглядит как поэтическая метафора, а не точное научное определение.

Далее, многие языковеды приравнивают знание языка и этническую идентичность и этническое самосознание. Без сомнения, знание языка оказывает существенное влияние на самосознание и формирование этнической идентичности, но это вовсе не эквиваленты. Проще говоря, можно прекрасно владеть родным языком и одновременно иметь низкий уровень этнической идентичности, и, наоборот, иметь крайне слабый уровень владения родным языком, но быть при этом неукротимым националистом, т.е. обладать ярко выраженной этнической идентичностью.

Поэтому, моё субъективное мнение – делать вывод о мировоззрении человека на основе его знания и владения языком – это крайняя форма редукции и подмена научных понятий. Что имеет место, кстати, в статье А.А. Степановой [23].

6.5. Я вполне разделяю научное убеждение Г.А. Дырхеевой о том, что «бурятский язык – уникальный в плане изучения онтогенеза, функционирования и трансформации языкового сознания, он наиболее архаичен среди монгольских языков и претерпевает в последние годы значительные изменения» [12 цит. по 23].

Но, согласитесь уважаемые коллеги, что это утверждение в основном обращено к филологам и лингвистам, и не может служить основанием для мотивации широких слоев населения, и формирования у них устойчивой установки на изучение языка и активного использования в повседневной реальной жизни. В данном случае необходимы иные формулы и основания, в основном, социально-психологического и прагматического характера, т.е. переход из сферы филологии и лингвистики в сферу психологии, организации и менеджмента.

7. Выводы и предложения.

7.1. В основном, мои выводы и предложения будут ориентированы на развитие перспективных тенденций в отношении бурятского языка для жителей Иркутской области. Вероятно, что они могут задеть интересы или иметь значение для функционирования бурятского языка в Республике

Бурятия и Забайкальском крае. Естественно, что я не обольщаюсь на предмет того, что могу быть услышанным, и, тем более, верно и адекватно понятым теми людьми, которые обеспокоены текущим состоянием бурятского языка и его развитием в будущем. Но для меня важно высказать свое видение, свою точку зрения.

7.2. Я вполне разделяю мнение Г.Х.Ц. Гунжитовой о наличии «внутриэтнического языкового конфликта, который вызван противостоянием мнений относительно литературного бурятского языка и выбора его диалектной основы» [9]. Многие бурятские филологи, лингвисты, социологи и философы избегают этой темы, но она действительно существует и имеет радикальное значение для настоящего и будущего бурятского языка.

Но я не совсем согласен с Гунжитовой в том, что здесь может иметь определяющее значение «экономический фактор: сколько понадобится средств для того чтобы провести языковую реформу по смене диалектного языка». Но опять же, вполне разделяю мнение о том, что «дальнейшее развитие литературного бурятского языка может быть предопределено не внутренними языковыми факторами, а внешними, экстралингвистическими» [9].

7.3. Прежде чем высказывать основные свои предложения, я хотел бы прокомментировать один частный случай и его возможные последствия.

В июне 2016 года состоялась научная экспедиция к нижнеудинскими бурятам. Как говорит её участник и автор цитируемой статьи Ю.Д. Абаева – это была первая за 40 лет лингвистическая экспедиция в этот регион. «Нижнеудинский говор – самый западный говор бурятского языка, носители которого проживают в Нижнеудинском районе Иркутской области. Согласно диалектной классификации И.Д. Бураева, он представляет собой самостоятельный говор, стоящий особняком от других западно-бурятских говоров и диалектов (Бураев, 1988)» [1].

Напомним, что Т.А. Бертагаев классифицировал нижнеудинский говор как четвертый диалект бурятского языка, и, вероятно, имел для этого серьезные лингвистические основания.

Далее Абаева отмечает, что «вследствие изолированности и других факторов, звуковой облик этого говора характеризуется рядом уникальных черт, не имеющих аналогов в других бурятских говорах и диалектах». Подводя итог, автор статьи констатирует: «Молодежь практически не владеет бурятским языком... языковая ситуация в регионе вызывает опасения, поскольку данный говор находится под угрозой исчезновения. Другими словами, фиксация и исследование его звуковой материи крайне необходимы» [1].

По существу, Абаева говорит, что говор (диалект – Бертагаев) вымирает, и в ближайшее время нужно как можно больше записать на аудионосители звучание последних живых носителей уникального говора (диалекта). И что спасти его, вернуть к жизни, уже нельзя. Молодежь уже языком не владеет, а только пожилое население. Думаю, что когда через 40 лет приедет следующая экспедиция из Улан-Удэ, этого говора уже не будет – он прекратит свое существование. О чем можно будет писать научные статьи, делать сравнительный анализ с другими говорами и сокрушаться по поводу того, что мало сделали аудиозаписей.

Но можно иметь иную, кардинальную точку зрения. Почему бы, например, Иркутскому государственному университету при поддержке Правительства Иркутской области не организовать постоянно действующую научно-практическую (социо-лингво-педагогическую) экспедицию по изучению и возрождению нижнеудинского говора (диалекта) бурятского языка. Минимальный состав: 2 педагога практика, проживающих и работающих среди носителей нижнеудинского говора-диалекта и обучающих языку школьников и молодежь плюс три-пять студентов и аспирантов, приезжающих два-три раза в течение года на неделю или на месяц в летнее время, плюс пару научных руководителей по социально-педагогической и

лингвистической части программы экспедиции. Неужели в таком варианте есть что-то фантастическое и невыполнимое?

Тогда бы говор-диалект не только сохранился для науки в наиболее изученном виде, но и сохранился бы как живой и развивающийся язык.

7.4. Отталкиваясь от оценки ведущих специалистов, констатирующих что «потеря бурятского языка в Иркутской области (процесс языкового сдвига)» приняла необратимый характер [13], предлагаю ряд мероприятий, осуществление которых может кардинально изменить ситуацию и дать новый импульс для сохранения и развития бурятского языка в районах Усть-Ордынского Бурятского Округа и в других районах компактного проживания бурят в Иркутской области.

7.4.1. Создание в Иркутске и пос. Усть-Ордынский научно-методического центра (с филиалами в районах) по формированию и развитию нового бурятского литературного языка, основанием которого будет западный (эхирит-булагатский) диалект при активном участии всех диалектов и говоров, распространенных на территории Иркутской области.

7.4.2. Создание нового литературного языка, основанного на западном диалекте с участием иных диалектов и говоров бурятского языка вполне реально осуществить в течение ближайших десяти лет (2026-2035 гг.). Этому будет способствовать три главных фактора:

а) Существующий литературный бурятский язык, основанный на восточном (хори) диалекте, развитие которого в настоящее время создало критическую ситуацию утраты бурятского языка других диалектов и говоров в силу безусловности доминирования и латентной дискриминации разговорных языков всех иных диалектов и говоров.

Но за 90 лет развития накоплен богатый опыт, на который можно будет эффективно опереться при создании нового варианта литературного бурятского языка.

б) Существующие информационно-технологические ресурсы, которые позволяют многократно увеличить скорость становления нового

литературного языка. Например, использование оперативной полиграфии для быстрого тиражирования учебно-методических и иных материалов и разработок небольшими тиражами для организаторов и педагогов; единый сетевой ресурс, объединяющий всех участников проекта становления нового литературного языка; проведение видеоконференций и семинаров и т.д.

в) Учитывая мнение специалистов о том, что «звуковая организация бурятского языка такова, что она не располагает к быстроте речи. При убыстрении темпа речи возникает вероятность ее нечеткого акустического восприятия» [цит. по 23], основной акцент, помимо учебно-методического и научно-исследовательского направления, делать на создании поэтических, прозаических и драматических произведений, на популяризации устного народного творчества: аудио записи и тиражирование улигеров, сказок, былин, пословиц, поговорок и в целом бытующего разговорного жанра. С параллельным созданием студий и театров нового литературного языка, например, используя технологию студенческих театров эстрадных миниатюр, написание и постановки современных динамических сюжетов, отталкивающихся от эпических произведений и современного бытующего фольклора, сохранившегося у старшего поколения.

7.4.3. Работа над созданием нового литературного бурятского языка без всякого сомнения вызовет большой интерес к языку у всех слоев населения (школьников, студентов, молодежи, среднего и старшего поколения), хотя, в отдельных случаях, может иметь место негативная реакция, особенно со стороны носителей уже существующего литературного бурятского языка в силу консервативности и непонимания благотворного значения для развития бурятского языка как живого и культурного явления; непонимание того, что конкуренция вызовет оживление в прежнем литературном языке, основанном по преимуществу на восточном диалекте. Найдутся, вероятно, и любители «вставлять палки в колеса» новому конкурирующему проекту, но при наличии административной поддержки Правительства Иркутской области и администрации Округа и районов (в прежнем понимании) и при

формировании активной творческой сетевой структуры нового литературного языка, опирающейся на все слои населения Иркутской области, позволит преодолевать возникающие естественные и искусственные трудности и препятствия.

7.5. Подводя итог своим рассуждениям, которые могут казаться отвлеченными, теоретическими или даже утопическими, хочу напомнить давно известную максиму (житейское и прагматическое правило): «Кто хочет сделать дело – изыскивает ресурсы и возможности. Кто не хочет – находит объяснения и оправдания».

У меня нет особых иллюзий, что экспертное видение ситуации сможет когда-то превратиться в реальный живой проект, дающий новый импульс бурятскому литературному языку и его новому развитию на основе создания общепурятского литературного и разговорного койнэ, о котором мечтал когда-то выдающийся бурятский советский лингвист Трофим Алексеевич Бертагаев.

Основное препятствие – психологическая инерция и консерватизм, перетекающие в унылый конформизм и бесконечные разговоры об утрате родного языка и этнической идентичности, написание новых статей и диссертаций и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Ю.Д. [Звуковой облик нижнеудинского говора бурятского языка: современное состояние](#) / Ю.Д. Абаева // [Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН](#). 2016. Т. 9. № 4 (26). С. 95-102.
2. Бабуев С.Д. О дальнейших перспективах развития бурятского языка // История развития бурятского языка. Сб. статей. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН. 2006. С. 131-134.
3. Бадараев Д.Д.. [Бурятский язык в оценках студенческой молодежи \(по материалам социологического исследования\)](#) / Д.Д. Бадараев, И.Г. Актамов // [Восточный вектор: история, общество, государство](#). 2023. № 2. С. 29-37.
4. Бертагаев Т.А. К исследованию лексики монгольских языков (опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров). Улан-Удэ. 1961. 160 с.
5. Бертагаев Т.А. О койнэ и путях развития национальных языков // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху.

(Материалы корд, конф., Улан-Удэ, 22-24 авг. 1963 г.). Улан-Удэ, 1965. - С. 81-95.

6. Будаев Ц.Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). – Новосибирск: Наука. 1992. 217 с.

7. Бурчина Д.А. Гэсэриада западных бурят. Указатель произведений и их вариантов. – Новосибирск: Наука. 1990. 449 с.

8. Виноградов В.А. Койнэ // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия. 1998. С. 230.

9. Гунжитова Г.Х.Ц. [Факторы витальности бурятского языка](#) / Г.Х.Ц. Гунжитова // [Филология: научные исследования](#). 2020. № 12. С. 41-50.

10. Дагбаев Э.Д. Бурятская этническая идентичность: между традицией и модернизацией // Вестник БГУ 2010. №6. - С.134-141.

11. Дамдинов Д.Г. Эхирэд бурядай онтохонууд. – Улан-Удэ: «Бэлиг хэблэл». 2005. 104 с.

12. Дырхеева Г.А. Развитие национально-языковых отношений и трансформация современных социолингвистических понятий и терминов // Двужычие в Бурятии: новые аспекты изучения. Улан-Удэ, 2002. - С. 33-72.

13. Дырхеева Г.А. Социолингвистическое исследование недоминирующего языка: к проблеме проведения мониторинга языковой ситуации в Бурятии // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2015. №S10. С. 3-7.

14. Дырхеева Г.А. Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. 2018. №4 (2). С. 302-320.

15. Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С. Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2020. №1. С. 5.

16. Дырхеева Г.А. [Бурятский язык в полиэтничной Бурятии: функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации](#) / Г.А. Дырхеева, Д.Д., Бадараев Э.В. Хилханова // [Научный диалог](#). 2022. Т. 11. № 5. С. 116-135.

17. Касаткин Л.Л. Говор Языкознание. Большой энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия. 1998. С. 110-111.

18. Косых В.И. [Из истории Иркутского комитета по переводу учебных книг на бурятский язык](#) / В.И. Косых, Н.В. Богодухова // [Макушинские чтения](#). 1997. № 4. С. 86-88.

19. Марусенко М. А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна: языковые последствия глобализации. – М.: ВКН, 2015. 496 с.

20. Намдакова С.С. [Разговорный бурятский язык в условиях контактирования с русским языком](#) / С.С. Намдакова // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы. Сборник материалов XI

Международной научной конференции (Майкоп, 20–23 декабря 2017 года). – Майкоп. 2017. С. 371-376.

21. Норбоева Р.Д.С. [Влияние русского и китайского языков на бурятский и монгольский языки](#) / Р.Д.С. Норбоева // [Бурятский язык и литература в школе](#). 2025. № 3. С. 3-9.

22. Свадост Э.П. Как возникнет всеобщий язык? – М.: Наука. 1968. 287 с.

23. Степанова А.А. Этническая идентичность и языковое сознание носителей бурятского языка: социо- и психолингвистические исследования // Вопросы психолингвистики. 2016. №4 (30). С. 206-2015.

24. Хилханова Э.В. [Язык и этническая идентичность в зеркале переписей населения и региональных обследований: на примере бурятского языка](#) / Э.В. Хилханова, Г.А. Дырхеева // [Томский журнал лингвистических и антропологических исследований](#). 2024. № 4 (46). С. 112-126.

25. Шоно-Батор. Бурят-моногольский героический эпос. Авторизованный перевод А.Гатапова. – Улан-Удэ: НоваПринт. 2018. 248 с.

A.V. Vinober

Irkutsk, Russia

THE BURYAT LANGUAGE: THE CURRENT STATE. TRENDS AND PROSPECTS (SUBJECTIVE NOTES BY AN INDEPENDENT EXPERT)

The author positions himself as an independent expert (on whom nothing depends) His opinion is the view of an outsider, but not indifferent to the development of the Buryat language. The article attempts to assess the current state of the Buryat language and its prospects for the coming decades, based on the research and conclusions of leading scientists of the Republic of Buryatia. The author examines the statistics of the use and proficiency of the Buryat language according to the population census and various sociological one-time and monitoring surveys and studies; bilingualism; the development of dialects and dialects; the state of the Buryat literary language; publication of books in the Buryat language. In conclusion, the author makes suggestions for the further development of the Buryat literary language.

Keywords: Buryat language, Khorinsky dialect, linguistic situation, literary Buryat language, Irkutsk region, bilingualism

Поступила в редакцию 10 июня 2026